

На всю жизнь мне запомнилась работа А.Л.Птушко над фильмом «Садко», где я был его ассистентом.

На роль Садко был утвержден любимый зрителями актер Сергей Столяров, а из сотен молодых актрис Птушко никак не мог выбрать Любаву. И тогда я сказал Александру Лукичу, что у меня есть знакомая молодая красавица, она не актриса, но снималась у Довженко в эпизоде в картине «Жизнь в цвету». «Давай», — сказал Лукич.

Работая с А.П.Довженко на картине «Жизнь в цвету», я и другой ассистент получили от него задание найти группу девушек-красавиц на роли помощниц Мичурина для съемки эпизода опыления цветущих яблонь в саду Мичурина.

Среди красавиц ассистент Мария Кучеренко, мать будущего известного режиссера Якова Сегеля, предложила 16-летнюю школьницу Аллочку Ларионову. Алла с восторгом была утверждена Довженко.

Чего греха таить — я немедленно влюбился в нее. После съемок мы изредка встречались и часто пере-званивались.

С таким же восторгом утвердил Аллу на роль Люба-вы и Александр Лукич и даже расцеловал меня за Аллу.

Начались съемки. Настроение было прекрасное. Мы закончили съемки сложнейшего объекта «Великий Новгород», впереди остались павильонные съемки. И вдруг неожиданно Сталиным была провозглашена борьба с космополитами. Статьи в газетах, передачи на радио возвестили, что в нашей стране живут без-родные космополиты, приносящие вред, в том числе и нашей культуре, и науке.

Конечно, я пытался поверить, как и многие на «Мос-фильме», что режиссеры Сергей Юткевич, Илья Трау-берг и другие, которых на митинге на «Мосфильме» разоблачил Марк Донской за их любовь к западному искусству и кинематографу, являются космополитами, но не мог понять, почему они безродные, ведь они ро-дились и выросли в России, награждены высокими

кву. Отец был экономистом, преподавал в Плехановс-ком институте, знал несколько иностранных языков и уже в те годы видел в сталинском режиме беду. Через несколько дней мне позвонила секретарь суда и попро-сила приехать на прием к судье, которая вела мое дело.

Меня приветливо встретила миловидная молодая женщина и доверительно сказала:

— Я вам советую забрать свое исковое заявление, так как мы получили указание: с такими фамилиями, как ваша, на работе не восстанавливать.

— Но это же несправедливо! На что же мне жить? На студии меня считают хорошим работником. В деле есть характеристики, и весьма положительные, от А.П. Довженко, И.А. Пырьева, А.Л. Птушко...

С такой фамилией на работе не восстанавливают

Печальные заметки режиссера Георгия НАТАНСОНА

— Несправедливо. Но дело свое вы не выиграете, а только излишне переволнуетесь.

Взять свое заявление я отказался, так как считал, что, может быть, рядом с судьей окажутся справедли-вые заседатели, и они убедят судью, учитывая мое безысходное положение, восстановить меня на рабо-те. Состоялся Суд. Он продолжался 15 минут. На нем, защищая позицию студии «Мосфильм» в обоснова-нии моего увольнения, высту-пил юрисконсульт студии Мее-рович. В России есть поверье, что еврей поможет еврею, осо-бенно в трудную минуту, и все-гда старается выручить из беды людей своей националь-ности. Это лживое поверье.

Сейчас, когда появились сверхбогатые евреи, банкиры и промышленники, я не слышал, чтобы они помогали бедным ев-реям, в том числе и деятелям культуры и кино. Я лично обра-щался к ряду известных олигар-хов, евреям и русским, с пред-ложением и просьбой быть спонсорами фильма о великом писателе М.Булгакове, но отве-та не получил, даже сценарием не заинтересовались.

Так вот, пожилой Меерович, говорящий с еврейским акцен-том, доказывал Суду, что уволь-нение молодого режиссера, окончившего ВГИК, справедливо, что, хотя он и ученик С.Эйзенштейна и Л.Кулешова и имеет хорошие харак-теристики по работе, дирекции студии «Мосфильм» виднее, кого увольнять, а кого оставлять в штате сту-дии. Суд в иске отказал.

Я обратился с обжалованием в Городской суд. В Го-родском суде Меерович выступил с подобной же ре-чью. Городской суд утвердил решение Районного суда.

По окончании заседания, выйдя на улицу, я разре-велся — от обиды, бесправия и несправедливости. «Что же мне делать? Что же мне делать? — думал я. — Куда обращаться?». Через некоторое время решил обра-титься в Московский комитет партии. Я коммунист. Вступил в партию во время войны. Не надеясь ни на какие привилегии, написал письмо Никите Хрущеву. Он в то время был секретарем ЦК и МК партии. В пись-ме рассказал о своем горе и опустил его в ящик при-емной МК партии на улице Куйбышева и, конечно, не верил, что получу ответ. Через несколько дней мне по-звонили домой и пригласили к инструктору МК Ивано-ву — будущему директору театра им. Вахтангова.

Меня встретил молодой и доброжелательный чело-век. Волнуясь, я рассказал ему о своей беде.

— Я Вам ничего не обещаю, но попытаюсь доложить о Вас Никите Сергеевичу. Мы Вам сообщим. Дней через пять мне позвонил домой сам Иванов и попросил срочно к нему явиться. — Никита Сергеевич дал указание Большакову вос-становить Вас на работе. От радости я не смог говорить, мне казалось, что это сон.

На следующий день меня вызвал директор «Мос-фильма» Кузнецов и, улыбаясь, сообщил, чтобы я сей-час же вышел на работу, так как Птушко не дает ему покоя, требуя моего восстановления.

Александр Лукич Птушко радостно встретил меня и сказал:

— Жора, а ты ведь обыкновенный гений! В такое вре-мя добиться справедливости — просто фантастика. Каким же смелым оказался Никита Сергеевич Хру-щев! Ведь он восстановил меня на работе при Стали-не, который развязал борьбу с космополитами, а вер-

нее — с русскими евреями, еврейской интеллигенци-ей, открыв позорную страницу антисемитизма в СССР, в стране, где был провозглашен интернационализм, закрепленный Конституцией СССР. Борьба с космопо-литизмом продолжалась. Увольнялись евреи — ком-мунисты и беспартийные — из Академии наук, теат-ров, армии, заводов и министерств. Подвергались травле известные поэты, драматурги, критики. Осо-бенно усердствовал в этой травле ряд писателей: Су-ров, Первенцев, Мдивани, Финн — отец сценариста Павла Финна. Большаков часто встречался со Стали-ным, присутствовал на всех просмотрах советских и зарубежных фильмов вместе с вождем и мог расска-зать о расположении Н.С.Хрущева в отношении меня.

Но, видимо, Большакову было не до меня или он с этим решением был согласен.

Впереди — убийство Михоэлса. Вспоминается встреча кинематографистов с великим актером в пе-реполненном зале Дома Кино после его приезда из Америки. Михоэлс рассказывал, с каким сочувствием относились американцы к борьбе Красной Армии с немецкими фашистами. Преклонялись перед героиз-мом советского народа и желали ему победы. Удивля-лись и восторгались, что знаменитый артист, еврей, награжден Правительством СССР высшей наградой — Орденом Ленина, который Михоэлс не снимал с ла-кана пиджака во время путешествия по Америке и ко-торый с любопытством и почтением рассматривали американцы. Михоэлс рассказывал, что привез много денег Правительству — пожертвования богатых аме-риканцев да и просто трудового народа для борьбы с немецкими ордами. Немалую долю внесли американ-ские евреи.

Мог ли он подумать, что вскоре будет убит по рас-поряжению Сталина, что будет расстрелян Еврейский антифашистский комитет, возникнет «Дело врачей» и будет арестована часть лучших врачей России, в том числе и врачи самого Сталина, и что Сталин перед смертью останется без врачебной помощи в течение... 14 часов.

Фильм-былина «Садко» имел большой зрительский успех. Алла Ларионова стала звездой советского кино. Часто при встречах с ней выслушивал ее упрёки:

— Как ты мог, Жора, не раз говоривший мне о своей любви, став известным режиссером, ни разу не снять меня в своих фильмах?

— Мне казалось, что на главные роли в моих карти-нах ты не подходила, а на эпизод пригласить знамени-тую актрису я не решался. Вину перед тобой я чув-ствую и, даст Бог, исправлю.

Часто, вспоминая свою жизнь, я думаю, почему Марк Донской разоблачал западника Сергея Юткевича, а

Валентин ГАФТ, Александр КУЗНЕЦОВ, Георгий НАТАНСОН

правительственными наградами, орденами. Русская культура им родная.

(О замечательном режиссере Марке Донском я вспомнил на Декаде советского кино в Риме и Милане. Наш фильм «Старшая сестра» пользовался грандиоз-ным успехом. За Таней Дорониной ходили толпы жур-налистов, телерепортеров, фотографов и просто зри-телей. «Новая советская кинозвезда, русская секс-бом-ба, звезда кино, русская красавица». «Старшая сес-тра» — лучшая советская неореалистическая картина. В то время был расцвет итальянского неореалисти-ческого кино. Итальянские картины пользовались нео-быкновенным успехом и в СССР. Когда я на пресс-кон-ференции хвалил эти картины, то итальянцы в ответ сказали, что учителями их неореалистического кино были советские режиссеры, советские картины.)

Не мог понять, почему увольняют евреев из мини-стерств, газет, журналов, заводов... И вдруг на студии «Мосфильм» вывешивается приказ дирекции, что «в связи с сокращением штатов увольняется более 70 человек», и все — с еврейскими фамилиями. В числе увольняемых была и моя фамилия, фамилия Михаила Швейцера и других, в дальнейшем известных, режис-серов. К зам. директора студии К.Фролову незаме-длительно обратился с протестом А.Л.Птушко, доказы-вая, что я хороший и нужный ему ассистент.

— Это не мое решение, — ответил Фролов, — а Ко-митета по кинематографии СССР.

К заместителю председателя Комитета по кадрам И.Лукашеву, известному пьянице и бабнику, прямо во время съемок помчался Птушко. Лукашев заявил, что помочь ему не сможет. Председатель Комитета И.Большаков Птушко не принял. Я был в отчаянии. Обратился в Районный народный суд на Бережковской набереж-ной. В своем исковом заявлении к студии «Мосфильм» считал уволь-ние несправедливым и требовал вос-становления. Сообщал, что я единственный в семье кор-милец, что на моем иждивении больная мать, жена с малолетней дочуркой, сестра-студентка. Что мой отец Григорий Натансон, профессор, «белобилетник» по зре-нию, ушел 5 июля 1941 года добровольцем в Кировскую дивизию народного ополчения и погиб в битве за Мос-

Георгий НАТАНСОН, Валентин ГАФТ на съемках фильма «Азлита, не приставай к мужчинам!»

Меерович рьяно выступал против меня в Суде. Страх. Людями владел страх за себя, свое благополучие, свою жизнь и семью. Они человечески не оказались силь-нее этого страха.

Но в то же время были и другие, смелые люди, ко-торые не боялись открыто защищать космополитов — такие, как Михаил Иванович Жаров, Николай Кон-стантинович Черкасов и многие другие деятели ис-кусства.

Что же касается истории с моим увольнением, она оставила шрам в моей душе на всю жизнь.

Не всегда благополучно оканчивалась моя работа над фильмом. В 1975 году я поставил по сценарию выдающегося сценариста и писателя, Героя социалистического труда Евгения Габриловича фильм «Повторная свадьба». Это, пожалуй, был первый фильм о коммунисте-карьеристе в советское время. В главных ролях заняты Леонид Куравлев и Андрей Миронов. Это была первая драматическая роль Андрея после его блестящих комедийных ролей в театре и кино («Бриллиантовая рука» Лени Гайдайа шла по стране с грандиозным успехом). Поэтому он, не задумываясь, с удовольствием дал согласие сыграть в моем фильме и сыграл блестяще отвратительного человека. Первыми фильм посмотрели Евгений Иосифович и его сын режиссер Алеша.

— Жорж, ты снял замечательную картину. Это будет моя третья картина после фильмов «Коммунист» и «Твой современник».

Фильм одобрил и Алеша. Принимал фильм Николай Трофимович Сизов, директор «Мосфильма», зам-председателя Госкино, пользующийся большим авторитетом и уважением среди мосфильмовцев.

— Фильм хороший, очень смелый и очень нужный, — и подписал акт о приеме картины и разрешение на прокат.

Не прошло и трех дней, как в 9 утра мне позвонила секретарша Сизова и просила срочно приехать к Николаю Трофимовичу. Сизов встретил меня очень расстроенным и озабоченным.

— Ночью мне позвонил Филипп Ермаш и сказал: «Вы что там, с ума посходили на «Мосфильме» с «Повторной свадьбой»? Немедленно уничтожьте разрешительное удостоверение!».

Стало ясно, что фильм посмотрели в Кремле и Ермаш получил нахлобучку. Я сообщил об этом Габриловичу.

— Жорж, не волнуйся. Фильм ты создал интересный, и мне не стыдно за него. Я позвоню Ермашу, и мы все уладим.

Ермаш отказался разговаривать с Габриловичем по телефону и принять его. Через несколько дней Сизов передал мне составленный редколлегией Госкино список эпизодов, связанных с действиями нашего героя — коммуниста-карьериста, — и это составило более 600 полезных метров из фильма в 2500 метров — с требованием их убрать и заменить новыми сценами, рассказывающими о личной жизни героев, без политики. Габрилович и я отказались это сделать.

— Не кипятитесь. Если вы это не сделаете, картину Ермаш не примет и нечем будет платить зарплату коллективу «Мосфильма».

Пришлось согласиться. Более двух месяцев Габрилович писал новые нейтральные сцены, которые я снял за месяц.

Фильм в Госкино был принят и, как ни странно, имел успех и в изуродованном виде. Но я был наказан. Госкино запретило Сизову давать мне работу в течение... 5 лет.

— Иди к Ермашу, иди в ЦК. Кайся и проси прощения, — говорил мне при встречах Н.Т. Сизов. — От них зависит продолжение твоего творчества.

Я этого не сделал — не хотел унижаться — и был без работы 5 лет. Правда, после победы демократии я без работы уже 10 лет.

Как-то Александр Петрович Довженко сказал о себе: «Обидно, что я был не востребован многие годы. Я был рассчитан на творчество на большее время...»

С горечью эти слова великого мастера может сегодня говорить целое поколение российских кинематографистов, составивших в прошлом его славу.

Разумеется, жить без работы 5 лет было трудно. По указанию Госкино на «Мосфильме» был запущен в производство ряд короткометражек о знаменитых певцах, артистах балета, клоунах. Я предложил фильм о Елене Образцовой, молодой оперной звезде. В редколлегии студии согласились с моим проектом. Вместе с В. Комиссаржевским мы написали сценарий о жизни и творчестве выдающейся певицы — «Поет Елена Образцова».

Сценарий понравился и был принят. Леночка была согласна сниматься. Но вдруг мне позвонила Образцова и сказала, что ей только что звонила зам. главного редактора студии Глаголева и предложила другого режиссера на этот фильм, так как у Натансона большие сложности с Госкино, и Ермаш не утвердит Натансона на постановку фильма. Иона ответила, что будет сниматься только у Натансона, что он придумал этот фильм, и она ему не изменит. Она пошла к П.Н. Демичеву.

— Натансон известный и хороший режиссер, и мы постараемся ему помочь, — ответил Павел Нилович, кандидат в члены Политбюро. И в свою очередь позвонил Ермашу.

Все немедленно было решено. Ермаш даже, всем на удивление, распорядился дать на весь фильм пленку «Кодак», что в то время было необычайным подарком мне и оператору.

Фильм о выдающейся певице «Поет Елена Образцова» был принят Ермашом с большим одобрением, а главное — очень понравился Елене Образцовой.

— Мне вскоре предстоит большие зарубежные гастроли по Америке, Германии, Англии, Австралии, и я возьму картину с собой и буду ее показывать своим друзьям — великим певцам и дирижерам. Спасибо Вам, Георгий Григорьевич, за такой красивый и волнительный фильм.

Картину «Поет Елена Образцова» купили многие страны мира.

СК ИССОС - 1999 -
9 сент. — С. 12 - 13